

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
1. КАК МЫ ЗДЕСЬ ОКАЗАЛИСЬ	8
2. КРИЗИСЫ КАК РЕЗУЛЬТАТ НАШИХ ДЕЙСТВИЙ	53
3. ДВЕ НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ	105
4. ПРЕИМУЩЕСТВА ОТКРЫТЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ: КИТАЙ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК	148
5. ГОСУДАРСТВО С НЕЕСТЕСТВЕННЫМИ ГРАНИЦАМИ	203
6. ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО	256
7. ПОЛИТИКА, ДОСТОИНСТВО И РАЗНООБРАЗИЕ КУЛЬТУР	291
8. ПЕРВЫЕ СТО ДНЕЙ	323
Об авторах	350

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга приглашает читателя принять участие в беседе двух самых авторитетных специалистов по американской внешней политике — Збигнева Бжезинского и Брента Скоукрофта. Весной 2008 года они неоднократно встречались для обсуждения проблем, стоящих перед нашей страной, и их возможных решений. Их разговоры — интеллектуальное путешествие в лабиринт вариантов, из которых придется выбрать следующему президенту, и проведут нас по этому лабиринту два лучших гида страны.

Представьте, что вы сидите за большим столом для совещаний в офисном здании на Пенсильвания-авеню. В нескольких кварталах от нас находится Белый дом, где два наших собеседника в свое время реально участвовали в управлении государством в качестве советников по национальной безопасности. На каждую нашу встречу они приходят одетые как на доклад к президенту в Овальный кабинет. Беседа начинается с большой чашки кофе или диетической газировки — иногда можно себе позволить и дозу сахара в виде домашнего печенья или пирожков. Затем включается магнитофон.

Давайте послушаем, что думают о нашем будущем наиболее прозорливые американские аналитики.

Оба они исходят из того, что мир меняется фундаментальным образом и что наше традиционное понимание роли Америки не отвечает реалиям сегодняшнего дня. Оба видят причины затруднений США в том, что страна еще не адаптировалась к новым реалиям. Они скептически относятся к житейской мудрости и расхожим мнениям, оба стараются смотреть на мир свежим взглядом. Их представления о будущем Америки, как будет видно из дальнейшего разговора, в основе своей оптимистичны, но лишь при условии, что страна сможет принять мир таким, каков он есть, а не таким, каким мы желаем его видеть.

Эта книга задумана как эксперимент. Мне хотелось понять, могут ли видный демократ и видный республиканец, выступающие не от имени партии, а от своего собственного, выработать общие принципы построения новой внешней политики. У Бжезинского и Скоукрофта были особые причины для участия в этом эксперименте, поскольку оба они скептически отнеслись к перспективам войны в Ираке. Они прежде других аналитиков поняли опасности и трудности, с которыми столкнутся Соединенные Штаты, свергнув Саддама Хусейна, и им хватило смелости высказать свои опасения публично. Хотя бы по этой причине нам следует внимательно выслушать их теперь. Они расходятся в некоторых тонкостях — например, насколько быстро

можно вывести американские войска из Ирака, однако к концу каждой беседы им удавалось прийти к какому-то компромиссу.

Я занимаюсь освещением событий в сфере внешней политики уже больше тридцати лет и потому взял на себя приятную обязанность присутствовать на этих встречах в качестве ведущего. В каждом споре очень важно найти точки соприкосновения. Когда я готовлю свою колонку в «Вашингтон пост», я всегда внимательно слушаю участников дискуссии и побуждаю их к высказываниям, стараясь задавать вопросы, которые могли бы задать мои читатели, если бы им представилась возможность участвовать в обсуждении. Тот же принцип я избрал и для этой книги.

Бжезинский и Скоукрофт были своего рода полководцами холодной войны и в нашем разговоре частично приоткроют тайну окончательного падения Берлинской стены и краха советского коммунизма. Но тот мир остался в прошлом, и мы не будем ни торжествовать по этому поводу, ни ностальгировать. Напротив, обоих собеседников беспокоит, что среди руководителей, определяющих американскую политику, сохраняется образ мыслей времен холодной войны, что мешает им видеть новую расстановку сил, установившуюся в мире. На этих страницах то и дело упоминается, до какой степени изменился мир с окончанием холодной войны.

Каждый читатель сделает из этих бесед свои выводы, но я, как ведущий, могу отметить следующие

общие моменты: и Бжезинский, и Скоукрофт исходят из национальных интересов, и в этом смысле они реалисты внешней политики. Но они полагают, что Соединенные Штаты должны налаживать контакт с изменяющимся миром, а не огрызаться и щетиниться. Америка должна действовать согласованно с движущимися силами этих перемен, а не сторониться их. Снова и снова они повторяют, что необходима гибкость, открытость, готовность разговаривать, и не только с друзьями, но и с противниками.

Главное, чего хотят Бжезинский и Скоукрофт, — это восстановить в Америке уверенность в себе и стремление к прогрессу. Они считают, что в век терроризма наша страна слишком легко поддалась страху и воздвигла вокруг себя как физические, так и интеллектуальные стены. Всякий раз, расписываясь у охранника в вестибюле за пропуск, они посмеивались над нашим бункерным менталитетом.

Американскую сверхдержаву двадцать первого века они себе представляют как страну, которая выходит в мир не учить, но слушать и сотрудничать, иногда даже принуждая к этому сотрудничеству. Оба они описывают политическую революцию, охватывающую мир: Бжезинский говорит о глобальном пробуждении, а Скоукрофт описывает пробуждение чувства собственного достоинства. Оба хотят видеть Америку сторонницей этих перемен.

В годы возвышения Америки до положения доминирующей мировой державы в двухпартийной внешней политике существовала одна традиция.

Эта традиция отчасти миф: в двадцатом веке любое существенное внешнеполитическое решение сопровождалось политической борьбой. Но все же эта традиция диалога по стратегическим вопросам, в котором лучшие умы страны совместно вырабатывали основные вехи американской внешней политики, существовала.

Пробы нового меняющегося мира вместе со мной будут обсуждать профессор, выдающийся выпускник Гарварда, уроженец Польши, умеющий выковыривать точные фразы и абзацы, и не менее выдающийся генерал ВВС из Юты, мастерски выражающий сложные идеи простым и ясным языком. Бжезинский и Скоукрофт в свое время достигли высоких постов в Белом доме; потом, после отставки, каждый из них продолжал путешествовать по стране и миру и полемизировать, а главное — мыслить и наблюдать.

В предлагаемой книге два этих человека сошлись в продолжительной дискуссии накануне президентских выборов 2008 года. Может быть, это поможет возродить традицию стратегического мышления, которую достойно представляют Збиг и Brent, и сподвигнуть две главные партии страны на обсуждение проблем Америки и поиск путей их разрешения.

Дэвид Игнатиус

1

КАК МЫ ЗДЕСЬ ОКАЗАЛИСЬ

ДЭВИД ИГНАТИУС: Я хотел бы начать с цитаты из генерала Джорджа Маршалла: «С проблемой не надо драться». По-моему, это значит, что проблему надо понять, ясно описать ее себе самому, а затем решить ее. Но драться с самой сутью проблемы — бессмысленно. Поэтому я попросил бы каждого из вас начать с общей оценки ситуации, в которой оказались Соединенные Штаты перед инаугурацией нового президента, обрисовать трудности, которые у нас возникли в связи с изменившимся миропорядком, и объяснить природу происходящих изменений. Збиг, расскажите мне, как вы видите проблемы сегодняшнего мира, а потом поговорим о том, что делать.

ЗБИГНЕВ БЖЕЗИНСКИЙ: На днях я был поражен, когда президент в своем обращении к стране назвал войну с террором главной идеологической задачей века. И я сказал себе: «Не слишком ли это самонадеянно?» Сейчас только 2008 год, а нам уже говорят, какова главная идеологическая задача всего столетия.

Допустим, что в 1908 году нас попросили бы определить идеологическую суть двадцатого века.

Многие ли стали бы тогда говорить о правом и левом крыле, о красном и коричневом тоталитаризме? Или в 1808 году, когда еще не было Венского конгресса, не наступил триумф консерватизма, многие сказали бы тогда, что в девятнадцатом столетии на территории Германии, Франции, Италии, Польши, да почти во всей Европе вспыхнет пожар националистических страстей?

Идеологическую задачу нашего века определяет не война против террора, а нечто более общее. Я думаю, в этой задаче необходимо учитывать три масштабных изменения.

Во-первых — то, что я называю глобальным политическим пробуждением. Впервые в истории политически активным стало все человечество, и это — коренная перемена. Во-вторых — центр мировых сил сместился от Атлантики к Дальнему Востоку. Это не закат атлантического мира, но потеря доминирования, которым он пользовался последние пятьсот лет. И в-третьих — возникли общие для всех глобальные проблемы, на которые следует обратить внимание, чтобы всем нам не пришлось горько расплачиваться. Я имею в виду не только климат и экологию, но также бедность и социальную несправедливость. Вот какие проблемы стоят перед Америкой, и ее выживание и место в мире будут зависеть от того, насколько адекватно она сумеет эти проблемы решить.

ИГНАТИУС: Збиг, еще одно, чтобы закончить вашу мысль: что нам мешает правильно реагировать на эти перемены?

БЖЕЗИНСКИЙ: Если выделить какой-то один фактор, я сказал бы, что это — потеря уверенности в себе. Вся моя сознательная жизнь прошла в атмосфере глобального противоборства — холодной войны. Но мы вели ее с уверенностью в своих силах. А в наши дни меня приводит в ужас культивируемый страх, пронизывающий все наше общество.

Ясно, что он существует в атмосфере потрясения, вызванного одиннадцатым сентября. Вся страна видела теракт по телевизору, и это сильно поколебало уверенность американцев в том, что правительство в состоянии обеспечить их безопасность. И, как это ни грустно, я думаю, что страх нагнетался искусственно. Нам необходимо восстановить уверенность в себе. Когда в стране царит страх, она не в состоянии грамотно решить свои проблемы.

ИГНАТИУС: Brent, как бы вы сформулировали природу наших проблем? Чего нам недостает, чтобы правильно на них реагировать?

БРЕНТ СКОУКРОФТ: Я смотрю на мир почти так же, как Збиг. Но позвольте мне начать с некоторого исторического замечания: я считаю, что окончание холодной войны отмечает в ходе мирового исторического процесса некую точку отсчета.

Холодная война означала концентрацию всех сил на единственной проблеме. Она нас мобилизовывала. Она мобилизовывала наших друзей и союзников против единственного блока. Она определяла наш образ мышления, все наши институты, все действия. Я не знаю, было ли когда-либо вре-

мя, когда мы были сильнее сконцентрированы на какой-то проблеме.

И внезапно — в историческом смысле мгновенно — тот мир закончился. Исчезла экзистенциальная угроза, присущая холодной войне. Тогда было довольно одной ошибки, чтобы взорвать всю планету. К счастью, той ситуации уже нет. Зато возникла сотня мелких проблем, булавочных уколов. Фигурально выражаясь, мы уже не смотрим на Москву в окуляр телескопа, а смотрим в его объектив; мы видим эти мириады мелочей и пытаемся разобраться с ними с помощью менталитета и средств, созданных для противоположного конца телескопа.

ИГНАТИУС: Каково было работать в Белом доме, когда в мире царил великий страх ядерного уничтожения? Вы оба, каждый в свое время, занимали уникальную должность советника по национальной безопасности. Что вы чувствовали в этом кресле в тяжелые моменты, когда мир был на грани войны? Брент?

СКОУКРОФТ: Была постоянная мысль: серьезная ошибка любой из сторон может обернуться катастрофой для всего человечества. Можно ли сказать, что эта мысль отпускала нас только на время сна? Конечно же нет. Но мы все время пытались узнать, что замышляют Советы, не придумали они какое-нибудь техническое новшество, которое поставит нас под удар, заменив паритет асимметрией?..

Вот эта мысль была доминирующей. Действуя в любом конфликте, будь то Корея, или Вьетнам, или нечто менее масштабное, мы всегда думали об